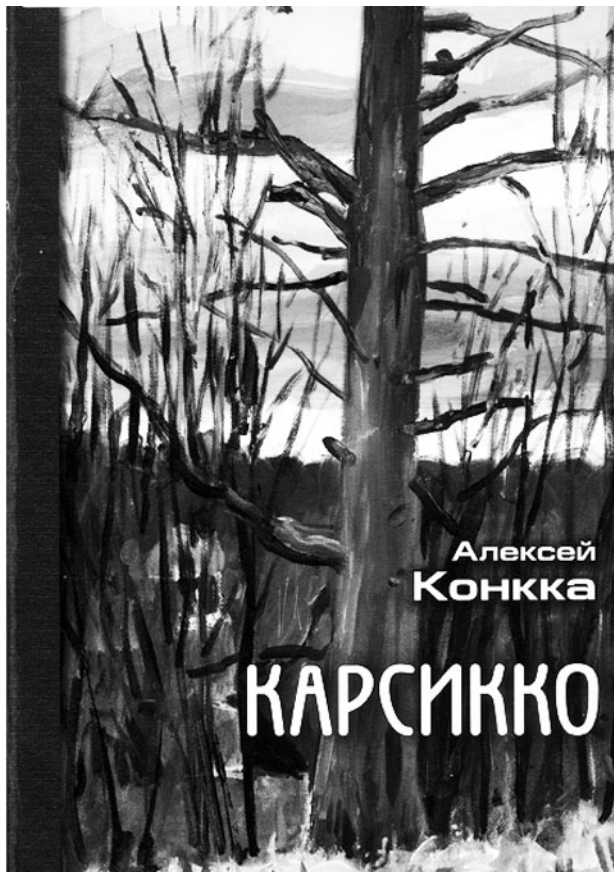

Юрий ЛИННИК

г. Петрозаводск

I

Тридцать лет назад – на самой заре долгожданных свобод – увидела свет статья Алексея Петровича Конкки, оставившая заметный след в карельской этнографии. Называлась она так: «Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом».

Обращали на себя внимание и новизна темы, и эрудиция автора, и зрелость его суждений.

Прошла четверть века.

В 2011 г. в Санкт-Петербурге А.П.Конкка защищает кандидатскую диссертацию. Читаем в автореферате: *научный руководитель – К.В.Чистов (1919–2007)*.

До триумфа своего талантливого ученика Кирилл Васильевич не дожил.

О чём говорят эти разрывы во времени?

О том, что перед нами исследователь, который работает не ради регалий, а во имя истины как таковой, видя в ней высшую и абсолютную ценность.

Книга А.П.Конкки «Карсикко» – дело всей его жизни.

Не боясь преувеличения, скажу так: это классический труд.

Здесь всё отточено – выверено – доведено до кондиции.

Каждое слово весомо.

Ответственный – добросовестный – настоящий учёный!

II

Тематика монографии связана с дендролатрией.

Это культ деревьев.

Один из древнейших и значительнейших на Земле.

Наиважнейший для понимания духовной жизни народов Севера.

Связь человека и природы здесь отличается особой глубиной и напряжением.

Зависимость от леса огромная.

Дерево входит в картину мира многоаспектно – с включением его и хозяйственных, и экологических, и мифопоэтических аспектов.

Карсикко – это дерево, ставшее знаком: оно принадлежит одновременно и природе, и социуму.

Является своего рода средостением между ними.

Эта его амбивалентная сущность представляет огромный и этнографический, и философский интерес.

III

Слово, первенствующее в лексиконе автора, образовано от *karsia*: обрубать сучья.

Среди различных модификаций *карсикко* выделим две наиболее распространённые формы:

- это *просто* заломы веток;
- это *просто* затёсы на коре.

Предел *простоты!*

Её нижний порог!

Её экстремум!

Хотя с формальной точки зрения коммуникативные возможности *карсикко* кажутся крайне бедными, но на поверку мы видим: их информационная ёмкость – огромна.

Подчеркнём: *карсикко* способно к эволюции – к прогрессирующему усложнению. Однако даже на этой исходной стадии – всё-таки её не хочется назвать примитивной – с помощью *карсикко* северянам дано сказать о многом.

IV

Деревья, превратившиеся в *карсикко*, – это *уже артефакты*.

В этом их уникальность.

Их избранничество!

Происходящая здесь трансформация указывает на качественный перелом в истории северных этносов.

Что мы наблюдаем сейчас?

Среди лесов закладывается своеобразная *знаковая система*.

Тут имеются свои коды и шифры.

Своя тайнопись.

Востребованы переводчики.

Считывая информацию, они делают её доступной для других – скажем, для необученной молодёжи.

Но роль толмачей должна неуклонно уменьшаться.

Круг знающих становится всё шире.

Слишком сильной харизмы не надо.

Языком *карсикко* овладевает вся община.

Хотя какое-то место для криптологии всегда остаётся.

Это был довольно богатый язык.

Он передавал весьма дифференцированные сообщения.

Живы и отец, и мать?

Или один родитель?

Или оба умерли?

Ещё пример: сообщение послано холостяком? Женатым человеком?

Карсикко со всей определённой отвечает на подобные вопросы.

V

Форма – природная, сущность – человеческая.

Характерное двоение!

Карсикко, посвящённые умершим, превозмогают свою древесную сущность: наполнение у них новое – наше, кровно родное.

Любое дерево может претендовать на сакральную роль.

Но желательна какая-то его выделенность из окружения.

Какая-то исключительность.

Так, манси считают, что кедр с семьёй вершинами – вместилище духов.

Они отметились в этой детали.

Человек схожей цели достигает по-своему.

Дерево он превращает в символы, используя внешнее воздействие – применяя орудия труда.

VI

В природу вписывается новый план – встраивается новое измерение.

Биосфера здесь переходит в *ноосферу* (В.И.Вернадский).

Или – если угодно – в *пневматосферу* (П.А.Флоренский).

Какие-то эмбрионы знаков существовали от века.

Их проявление мистериально.

Эта тема волновала художника Б.А. Смирнова-Русецкого.

Мы видим на его полотнах, как из природных явлений выступают некие начертания – они вызывают чувство чьего-то неисповедимого присутствия.

Кто-то рядом!

Не дозовёшься.

На отклик могут рассчитывать лишь посвящённые.

Карсикко сохраняет атмосферу этой легендарной поры.

По-научному – *семиогенеза*.

Тут много поэзии.

Много романтизма.

Пусть позднего – привнесённого.

Карсикко продолжает бытовать и в таком статусе – можно сказать, в интеллигентском преломлении.

Ныне оно вызывает весьма специфический – но ведь живой, подлинный – эмоциональный отклик. Творцы его читали иначе. А мы – вот так: как манифестацию тайны.

VII

Знаковая реальность начала формироваться ещё в биосфере.

Вспомним явление энтомофилии.

Вспомним про территориальное поведение животных. Они имеют интересную систему меток, помогающую им распределять между собой пространство.

Человек на этой стезе продолжает природу.

Хотя – разумеется – на качественно ином уровне.

Очень точный термин: *доместикация* пространства – его своеобразное *одомашнивание*.

Человек норовит мир превратить в дом. Отсюда соответствующие изоморфизмы.

Карсикко работает на такое вочеловечивание пространства. Мир благодаря его присутствию становится более уютным и понятным.

VIII

Обряды перехода: сколь успешным оказалось это понятие Арнольда ван Геннепа!

Хочется его соотнести с гегелевской *узловой линией мер* – она фиксирует, как что-то ломается внутри системы, прорываясь к небывалым возможностям.

Это своего рода диаграмма *кризисов*.

Или *бифуркаций* – в терминах синергетики.

Карсикко часто вырастают в узлах этой линии.

Собственно, они и есть узлы.

В них завязывается что-то новое.

Юноша впервые тянет невод.

Или идёт на охоту.

Становится воином.

Женится.

Это – опять-таки по Гегелю, «Наука логики» – *перерывы постепенности*.

Переходы!

Карсикко маркирует их.

Понятие *перехода* показало свою замечательную универсальность.

А.П.Конкка внёс весомую лепту в раскрытие его богатейшего потенциала.

Феномен *карсикко* оказался на редкость выигранным для этого.

Вот один из ключевых тезисов книги:

«Переход из одного состояния в другое как самих объектов, так и окружающего их мира – порождает необходимость использования «сквозных» универсальных предметных и акциональных символов».

Выявление этого *сквожения* – этих сущностных подобий – очень значимо для науки.

Дерево потворствует символотворчеству.

IX

К*арсикко* связано с идеей пути.

Часто это *веха*, отмечающая не столь состояния, сколь важные для личности и общины события.

Скажем, отъезд на праздник – или первый выход молодухи для работы на поле мужа.

Это жизненный *путь*.

Дорога жизни!

Ведь не всегда движение по ней будет скучным и рутинным.

Случается яркое, запоминающееся.

Карсикко и отметит его.

Особо значим *путь* на кладбище.

Здесь маркировка относится не только к пространному, но и к сакральному пространству.

Путь в царство мёртвых!

Где-то он обрывается для нашей сенсорики – и его уже нельзя проследить топографически: так сказать, отложить на карте местности.

Оборвавшись *здесь*, он продолжается *там*.

Карсикко обозначит эту точку разрыва.

X

Смерть человека – разумеется, *переход*.

По-современному – *катастрофа*.

Несмотря на то, что часто принимает спокойную – умиротворённую – форму.

Старается быть незаметной.

Что из этого?

Хайдеггеровское *бытие-к-смерти* – основа нашей экзистенции.

Проведённая Танатасом черта – при любых обстоятельствах – непреложна.

Карсикко – ретушь этой черты: её визуальное усиление.

XI

Ушебти египтян – или *иттармы* обских угров: это обиталища души.

Ведь она безразмерна.

Малость объёма тут не помеха.

Наверно, в эту последовательность могут встать и наши северные *панки*.

Так и тянет сопоставить их с *карсикко*.

Здесь вероятно схожее назначение.

Если *карсикко* – эволюционные предшественники антропоморфной пластики, то *панки* тогда – не одна ли из фаз развития?

XII

Дерево – в мифопоэтическом измерении – как бы чреватое человеком.

Иногда кажется, что великие мастера деревянной скульптуры – Степан Эрзя и Сергей Конёнков – всего лишь принимали роды, помогая стволу разрешиться: в нём таился готовый образ.

Этот эффект усиливается в работах современного мастера Бориса Сергеева.

Обработка дерева у него минимальная.

Два-три удара топора – будто колдовское маговение: чурка превращается в статую.

Монография А.П. Конки заставила меня задуматься о генезисе славянской языческой скульптуры.

Деревянные идолы волновали воображение замечательных живописцев – Николая Рериха, Юрия Ушакова, Виктора Никитина.

Сохранилась летописная память о древних капищах.

О них выразительно свидетельствует Ибн-Фадлан:

Святылище русов располагалось под открытым небом. Оно представляло собой некий участок земли, усеянный воткнутыми резными «деревяшками», верхняя часть которых грубо изображала подобие человеческого лица. Эти идолы торчали из земли в строгом строевом порядке: в первом ряду – самые маленькие, во втором – повыше, в третьем – ещё более высокие и т. д.

Штудии А.П. Конки эвристичны. Читаешь про финно-угорское – и ищешь параллели к славянскому.

Обретаются – созвучья: естественные и глубокие.

Мир един.

XIII

Затёс на коре – намёк на личину – высокий пень, принявший человеческие черты – и вот завершающая фаза: готовая – самодовлеющая – скульптура. Этот процесс можно истолковать как нарастание антропоморфности.

Или как движение в сторону натурализма.

Мера условности: этот критерий очень важен для понимания знаковых систем, взятых в развитии.

Условное убывает!

Знаковую функцию может нести что угодно.

Главное – договорённость: понимание строится на конвенциональной основе. Оно возможно лишь для круга посвящённых.

Ты заламываешь ветку – и этим даёшь знак другому: постороннему трудно догадаться о смысле обращения. Что абстрактней такого знака? Но вот под моим ножом появляется нечто образное. Уже почти реалистическое!

Это крайне важная – многое предопределяющая и раскрывающая – тенденция.

XIV

Культура именно финно-угорских народов даёт исключительные возможности для пристального исследования этой тенденции.

Тут многое ещё живо – не стало преданием.

В некоторых регионах – вспомним хотя бы ханты-мансийское Приобье – можно проводить интенсивные полевые исследования.

Явления, подобные *карсикко*, там сохранились. Надо снаряжать экспедиции.

Эта заманчивая перспектива просматривается в монографии А.П. Конки.

Она может расширяться – и охватить всю Финноугорию.

Для этого необходим целый институт?

В таком случае его следует создать.

XV

Человек и дерево – как сообщающиеся сосуды: тут возможны взаимоперетоки витальной энергии.

И сакральной информации тоже!

Хвоя с *карсикко*, посвящённого умершему, – её надо класть в постель: возможно установление сновидческой связи.

Контакты с потусторонним, осуществляемые посредством *карсикко*, несут на себе печать некоторой противоречивости.

Таковая понятна.

Оттуда – из хтонических глубин – можно ждать и поддержки, и подвоха.

Упование перемежается с опаской.

Понятно охранительное значение *карсикко*. Нельзя сказать, что это жёсткая оборона – скорее упреждающая защита. Дух умершего должен оставаться в локусе, назначенном ему от века.

Риск того, что табу может быть нарушено, всегда есть.

Тем не менее не может быть и речи о полном прекращении контактов.

Но их надо отлаживать, регулировать.

Эту миссию и осуществляют *карсикко*.

Полнота бытия – единство живых и мёртвых – поддерживается ими.

XVI

В каком-то смысле *карсикко* обладает природой Януса: обращено и в сторону прошлого, и в сторону будущего.

Янус – Бог дверей, распахивающихся в обеих направлениях.

Карсикко – тоже своего рода дверь: духи входят туда – и выходят оттуда.

Нельзя сказать, что *карсикко* двулико – антропоморфность для него не типична.

Но оно – *двуременно*.

И двупространственно!

А.П.Конкка показал: карельские кладбища – это порой целые роци *карсикко*.

Разглядываешь деревья – как листаешь страницы.

Есть ли более удивительная книга?

XVII

К*арсикко* – это как бы представительство пращура.

Он продолжает участвовать в наших делах, но снести с ним можно только опосредованно.

Карсикко принимает от нас просьбы, жалобы, пожелания – и передаёт их адресату.

С ним здороваются.

Ему приносят пищу.

Замещение усопшего *карсикко* осуществляют в довольно широком спектре.

Это важнейшая их функция, позволяющая гармонизировать отношения ныне здравствующих – и обретших вечный покой.

Сама граница между ними местами становится совсем прозрачной.

Происходит столь важная для народного космоса релятивизация вроде бы противоположных смыслов.

Они обнаруживают свою взаимоперетекаемость.

XVIII

Переход в мир мёртвых предполагает различные *инверсии*.

Скажем, зеркальное обращение признаков – сотворение наоборотной реальности.

Приведём цитату из ранней статьи А.П. Конкки:

Э. Леннрот сообщает в своих путевых заметках, что в сосновых лесах к северу от Кандалакши он на многих деревьях вдоль дороги видел вырезанные в коре «человеческие изображения», перевёрнутые вниз головой.

Здесь намечается интересная проблематика.

Каждая культура знает свой *антимир*.

Как он видится финно-уграм?

XIX

Очень интересно рассуждает А.П.Конкка о жизненной силе, представления о которой связываются с *карсикко*.

Народный витализм: это очень и очень серьёзно.

Пращуры были уверены, что существуют некие источники, приносящие в наш мир – со скрытых планов бытия – дополнительную энергию.

Законы сохранения здесь нарушаются.

Но что без таких нарушений народный космос?

Вспомним *прану* индусов.

Или *ману* полинезийцев.

Благодаря этим неуловимым реалиям в мире уменьшается энтропия.

Через *карсикко* в наш мир притекает нечто подобное.

XX

В отношении северного человека к природе всегда была мера.

Или как лучше сказать – *мудрый оптимум*?

Тонкий баланс?

Случалось, что равновесие нарушалось – причём резко.

К примеру, это могло происходить на фоне так называемых *волн жизни*, когда фантастически увеличивалась численность организмов.

К примеру, лосось заходит на нерест в невероятном количестве – бери его сколько хочешь.

Это бывало и с птицами, и со зверьями.

Люди понимали – взяли лишнее.

Ощущали вину перед природой.

Сие душеполезное состояние тоже отмечалось *карсикко*.

XXI

Предмет исследования получает у А.П. Конкки очень широкий контекст.

В локальном высвечивается всемирное.

Компаративистика работает на полную мощь.

Подчас её ходы непредсказуемы.

Так, несколько неожиданным кажется обращение автора к Мирче Элиаде: процесс инициации он связывал с подъёмом – вскарабкиванием – на дерево.

Приобщение к высоте тут имеет много смыслов.

Это и акт очищения, и испытание мужества.

И даже почти что *теозис*: попытка подняться в верхний мир – примериться к позиции божества.

Автор мыслит системно.

Он любит аналогии, параллелизмы.

Принимая этот стиль, мы бы сравнили обряд инициации по М. Элиаде с известной магической практикой: шаман в экстазе восходит и нисходит вдоль оси Мирового Древа – обеспечивает жизненно важную связь разных уровней бытия.

Что-то подобное могло иметь место в случае с *карсикко*?

Но уже наяву – в живом обряде.

Ведь для манипуляций с вершиной дерева надо было подниматься на приличную высоту.

Акциональное сходство налицо.

Было бы интересно его уточнить.

Arbor Mundi – великая универсалия.

Уже поэтому нечто предельно типизированное – схематически обобщённое – почти абстрактное.

Карсикко – проекция Мирового Древа на житейский план бытия; его чувственно доступный *алломорф* – или *ипостась*, данная в непосредственном созерцании.

Ярусность Мирового Древа может пониматься очень наглядно.

Ещё раз подчеркнём: его трёхуровневая структура – весьма отвлечённое представление.

Однако у северных народов оно иногда получает предельную конкретизацию.

Задействуем условный высотомер – и вместе с манси войдёт в его родной лес.

Мировое Древо тут осуществило самопосев?

Размножилось?

Мы входим в насаждение Мировых Дерев.

Каждое – представительно: всецело сохраняет семантику первообраза.

Но как бы заземлено и занижено.

Это тебе не гигантский Иггдрасиль, сомасштабный размаху Вселенной.

Никакой гиперболизации!

Перед нами уменьшенные копии Мирового Древа?

Его фрактальные подобию?

Условные замещения?

Верхний мир у манси – вот он озирается в своём волшебном лесу – начинается с высоты 7 м.

Средний мир – 5 м.

Нижний мир – 2 м.

Укороченные интервалы!

Это адаптация к восприятию человека?

К его потребностям?

Размеры тут не имеют принципиального значения.

Достигается главная цель: пространство структурируется – намечается его зональность.

Причём не только в интересах умоглядной космологии, но прежде всего – ради практических действий человека, осваивающего и видимый, и невидимый мир.

Это прагматизация символа.

Его внедрение в непосредственный опыт человека.

XXII

К*арсикко* промысловика – *карсикко* неопита – *карсикко* умершего: сколь ни разнообразны эти проявления одного архетипа, но во всех случаях мы видим сохранение следующих функций:

– это медиаторы (скрепы между явным и скрытым, старым и новым, живым и мёртвым и т.д.);

– это обереги (нужна охрана от экстраординарного – от чужеродного – от трансцендентного и т.д.);

– это факты языка (деревья-нарративы, деревья-вопросания, деревья-ламентации и т.д.).

Собственно, третье сечение объединяет собой два первых, ибо во всех случаях мы имеем дело с *деревьями-текстами*, желающими нам нечто сообщить и что-то растолковать; о чём-то напомнить и куда-то направить; предупредить – настояжить – одёрнуть и т.д.

Исследования А.П.Конкки выявляют новый класс *письменности*.

Именно так!
 Это форма *письма* не знает аналога.
 Назвать её зачаточной?
 Но посмотришь с другой стороны – и увидишь
 нечто гибкое, изощрённое.

XXIII

О семиотике *карсикко* в книге сказано так:
 «По нашему мнению, на первый план здесь
 выступает не антропоморфность, а функция знака,
 в котором заложены гораздо более широкие
 смыслы. Человекоподобное изображение есть
 лишь одна из форм отражения семантики риту-
 ального символа».

Зарубка – совсем не портрет.

Но в знаковом аспекте эквивалентна портрету!
 Денотат здесь один и тот же.

Кукла – дерево – человек – текстильное изделие: выстраивая этот весьма разнородный ряд,
 А.П. Конкка показывает, что все его члены изо-
 морфны друг другу.

Сюда хотелось бы ввести и *резную прялку*.

Элементарный затёс тоже входит в эту череду.

Инвариантность пронизывает несхожие вещи.

Такое возможно лишь в мире знаков – *семиос-
 фере* Ю.М. Лотмана.

А.П. Конкка открыл её новое измерение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ибн-Фадлан. «Записка» о путешествии на Волгу [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oldrus.live-journal.com/157552.html> (дата обращения 08.08.2016).

Конкка А.П. Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом. Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 85-112. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.komi.com/pole/archive/pole/9.asp> (дата обращения 08.08.2016).

Конкка А.П. Деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Автореферат дисс... на соискание ученой степени к. и. н. Петрозаводск, 2011. 28 с.

Конкка А.П. Карсикко: Деревья-знаки в обрядовой практике и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 206 с.

Мансийский след. Часть третья [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://samlib.ru/p/piskarewa_m_l/mansled3.shtml (дата обращения 08.08.2016).

Юрий Владимирович ЛИННИК

родился в 1944 году в Беломорске.

Ученый, доктор философских наук,

автор многих книг стихов и прозы, искусствоведческих книг,

книг для детей о природе.

Член Союза писателей с 1970 года.

Живет в Петрозаводске.

